

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1-09 «20»

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

Е. К. БЕСПАЛОВА,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
русской и зарубежной литературы,
Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского,
295007, Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4,
тел. +7 (3652) 54-50-36, e-mail: korelkon1975@mail.ru.*

АННОТАЦИЯ

Беспалова Е. К. Трансатлантический текст в романе В. Набокова «Лолита».

В представленной статье рассматривается текст романа В. Набокова «Лолита» как трансатлантический сверхтекст. Цель статьи – изучить на материале романа В. Набокова «Лолита» особенности трансатлантического текста, созданного писателем. В работе использованы следующие методы исследования: культурно-исторический, историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и историко-типологический. В статье делается вывод о том, что роман «Лолита» – одно из самых трансатлантических произведений в наследии В. Набокова. К перспективам данного исследования могут быть отнесены дальнейшие поиски в направлении изучения

трансатлантического сверхтекста в других произведениях писателя.

Ключевые слова: *трансатлантизм, трансатлантический текст, сверхтекст, Европа, Америка, Набоков, «Лолита».*

SUMMARY

Bespalova Ye. K. Transatlantic text in Nabokov's novel "Lolita".

The present article deals with the text of Nabokov's novel «Lolita» as the transatlantic supertext. The purpose of the article is to study the transatlantic text created by the writer based on his novel «Lolita». The following methods were used in our research: a cultural-historical, literary-historical, comparative and historical comparative-typological. The article concludes that the novel «Lolita» is one of the most transatlantic works in Nabokov's heritage. The prospects of this study are further searches of the transatlantic supertext in Nabokov's other works.

Keywords: *transatlantizm, transatlantic text, supertext, Europe, America, Nabokov, «Lolita».*

Постановка проблемы. «Лолита» В. Набокова – пожалуй, одно из самых известных произведений мировой литературы XX века и, без преувеличения, одно из самых изученных. Порой работы, посвященные этому роману, становятся не менее известными, чем сам набоковский шедевр. К примеру, книга известнейшего американского издателя и литературоведа К. Проффера «Ключи к Лолите» (1968) не только является одним из первых исследований этого скандально знаменитого романа, но и сама давно стала библиографической редкостью.

В целом же количество научных и критических работ о «Лолите» с трудом поддается исчислению. Из самых ярких зарубежных (американских и европейских) исследований стоит отметить следующие: Э. Пайфер «Лолита», Г. М. Шенфельд «Страсти вокруг "Лолиты"», из совсем свежих – книгу Р. Роупера «Набоков в Америке. По дороге к «Лолите»».

Отечественное набоковедение также не обошло вниманием данный роман, поскольку автор лично перевел его на русский язык, сделав тем самым провокационный текст «Лолиты» фактом не только американской, но и русской литературы. Среди исследователей, занимавшихся в разное время многоаспектным изучением этого произведения, необходимо упомянуть имена Н. Берберовой («Набоков и его “Лолита”»), С. Сендеровича и Е. Шварц («“Лолита”: по ту сторону порнографии и морализма»), В. Ерофеева («Лолита, или Заповедный оазис любви»), И. Л. Глинской («К вопросу о генезисе романа “Лолита”»), Б. В. Аверина («О некоторых законах чтения романа “Лолита”»), В. П. Старка («Внутренняя хронология романа “Лолита”»), И. Емельяновой («Роман В. Набокова “Лолита” как опыт авторского перевода») М. Кононенко («Лолита как литота») и многие другие.

Однако создавшееся впечатление об исчерпанности литературоведческих проблем, базирующихся на материале данного романа, иллюзорно. Так, например, очевидно, что в романе присутствует трансатлантическая тема, однако среди поистине огромного количества современных работ, посвященных этому произведению, исследования, в которых детально изучается трансатлантический текст в романе «Лолита», отсутствуют. Лишь отчасти этот вопрос затрагивается в уже упомянутых трудах Э. Пайфера и Р. Роупера, а также в почти одноименных работах Ч. Андрушко «Америка в “Лолите” В. Набокова» и М. Носкович «Америка в романе В. Набокова “Лолита”», однако особенности набоковского трансатлантизма обходятся в них стороной. Не существует также и обобщающего исследования сверхтекста в творчестве писателя. Данный пробел в конечном итоге и обуславливает актуальность нашего исследования. Цель его – изучить на материале романа В. Набокова «Лолита» особенности трансатлантического сверхтекста, созданного писателем.

Основная часть. Текст «Лолиты» существует в двух вариантах, которые могут быть прочтены в оригинале по обе стороны Атлантики. Написанный по-английски, он был позднее бережно переведен на русский самим автором, а не другим переводчиком, как все остальные англоязычные романы писателя, что наглядно характеризует отношение Набокова к своему творению. По-видимому, для писателя было важно закрепить собственный перевод как единственно возможный способ существования данного американского текста в русской литературе, утвердив именно эту версию как окончательную. Вот что он сам говорил по этому поводу: «Издавая “Лолиту” по-русски, я преследую очень простую цель: хочу, чтобы моя лучшая английская книга – или скажу еще скромнее, одна из лучших моих английских книг – была правильно переведена на мой родной язык» [7, с. 382]. Очень вероятно, что писатель, несмотря на невозможность публикации тогда «Лолиты» на родине, все же надеялся, что когда-нибудь этот роман совершит трансатлантическую поездку навстречу русскому читателю.

Любимая книга Набокова имеет множество интерпретаций и толкований. С момента выхода романа в свет и по сей день набоковеды, изучающие «Лолиту», заняты поисками различного рода символов, олицетворений и персонификаций. И хотя Набокова это всегда раздражало, все же одно из исследовательских направлений даже ему показалось продуктивным. Так, в послесловии к американскому изданию романа автор хвалит одного оставшегося безымянным «умного» читателя и сам намекает на то, что трансатлантическая тема в книге присутствует: «Несмотря на то, что давно известна моя ненависть ко всяким символам и аллегориям (ненависть, основанная отчасти на старой моей вражде к шаманству фрейдизма и отчасти на отвращении к обобщениям, придуманным литературными мифоманами и социологами), один во всех других смыслах умный читатель,

перелистав первую часть “Лолиты”, определил ее тему так: «“Старая Европа, развращающая молодую Америку”, – между тем как другой чтец увидел в книге “Молодую Америку, развращающую старую Европу”» [6, с. 377].

Говоря об истории создания «Лолиты» в послесловии к роману, Набоков сопоставляет и противопоставляет не только мировоззренческие и культурные традиции обоих континентов, но и свой писательский опыт по обе стороны Атлантического океана. При этом автор настаивает на том, что и Америка, и Европа в его книгах лишены реалистической достоверности, они – целиком и полностью порождение его художественного воображения: «Книга подвигалась медленно, со многими перебоями. Когда-то у меня ушло около сорока лет на то, чтобы выдумать Россию и Западную Европу, а теперь мне следовало выдумать Америку. Добывание местных ингредиентов, которые позволили бы мне подлить небольшое количество средней “реальности” (странное слово, которое ничего не значит без кавычек) в раствор моей личной фантазии, оказалось в пятьдесят лет значительно более трудным, чем это было в Европе моей юности, когда действовал с наибольшей точностью механизм восприимчивости и запоминания» [6, с. 375].

Судьба публикации этого произведения также была непростой. После того, как Набокову отказали четыре американских издательства, он отправил свою книгу об Америке за океан, в Европу, одному из литературных агентств, находящихся в Париже. Это агентство передало рукопись издательству «Олимпия Пресс», о котором Набокову не было известно и которое специализировалось на том, что выпускало написанные «по-английски книги, почему-либо запрещенные в Англии или Америке» [6, с. 376]. Именно там осенью 1955 года и увидела свет «Лолита».

Сегодня феномен романа и его героини всесторонне исследуют не только набоковеды, историки и теоретики литературы, но также психологи, педагоги и культурологи.

Это неудивительно, поскольку образ девочки-нимфетки удался автору настолько, что практически сразу перерос свою литературную оболочку и достиг масштаба архетипического образа, а со временем широко популяризировался, превратившись в кросскультурный стереотип.

Например, в работе современной исследовательницы Е. Васильевой-Островской, посвященной инерции образа Лолиты в современном искусстве и массовой культуре, главная героиня представляет собой маленький «пробник» огромной Америки: ее образа жизни, примитивных вкусов и мещанских нравов, с которыми поневоле приходится мириться рафинированному европейцу Г.Г. Автор статьи справедливо отмечает: «То, что не могла подарить ему Европа (в частности, Париж с его традицией возвышенных сублимаций и немного фривольной репутацией), а именно – нимфетку, достойную памяти его Аннабеллы – с легкостью удастся обнаружить в послевоенной Америке, переживающей экономический подъем и стремительно осваивающей новые потребительские рынки» [2]. Действительно, Лолита не просто дитя своего времени, она еще и результат общественного и культурного развития своей страны: «Собственно говоря, предстающая перед ним Ло как раз и является продуктом массовой американской культуры, во второй половине 40-х годов впервые открывшей для себя тинейджеров как отдельную целевую группу» [2].

«Лолита» привлекла к себе пристальное внимание исследователей сразу же после выхода в свет. Еще З. Шаховская, современница и на определенном этапе жизни приятельница Набокова, считавшая роман «Лолита» явной неудачей автора, что и стало причиной охлаждения их отношений, первой отметила интересный факт: «“Лолита” – острая сатира американского быта, и странно, что в США никто этого не заметил. Набоков с наслаждением описывает пошлость выражений и пошлость человеческих типов, как будто весь континент, который Гумберт и его пленница-тю-

ремщик пересекают в своем безнадежном путешествии, не что иное, как громадная часть ничему не служащего бесполезного механизма. Заметим еще, что <...> иностранец Гумберт единственный, говорящий на “королевском” английском языке, на котором туземцы не выражаются» [10, с. 106].

Еще один современник автора, Ф. Тойнби, английский журналист и критик, столь нелюбимый Набоковым именно за искаженное восприятие его произведений, не согласен с подобной трактовкой: «...не верю, что эта книга – намеренная сатира на американскую жизнь. Юмор по большей части проистекает из того факта, что Гумберт Гумберт, образованный европеец, с изумлением косится на обычаи Америки и сценки из ее жизни. Но замечательное путешествие через весь континент – это не сатирический номер, а пассаж сложной лирической напряженности» [9, с. 304–305].

Б. Бойд, современный новозеландский исследователь и официальный биограф Набокова, характеризуя сюжетную канву романа, все же соглашается с З. Шаховской, вслед за которой замечает, что в своей исповеди европеец Гумберт «проводит нас по сорока восьми смежным штатам Америки, ироническим взглядом чужака окидывая самодовольную рекламу, помешательство на кино, Америку подростков, Америку домохозяек, опрятный дерн пригородных лужаек и крикливые вывески тысяч тихих Главных улиц» [1, с. 271]. Вспомним, что «ироническим чужаком» в Америке был не только главный герой романа, но и сам автор. Отсюда и эта зоркая точность во взгляде, и эта объективность в суждениях: «“Лолита”, быть может, написана и не в привычной гладко реалистической манере, но действие ее разворачивается в очень точно увиденной Америке» [1, с. 295].

К. Проффер, автор уже упомянутого пронизательного исследования набоковского шедевра, в заключение также отмечает, что в этом романе выведены «в умеренно-сати-

рическом ключе – женщины среднего класса, журналы для подростков, кинофильмы, мотели, женские гимназии, летние лагеря, цвета машин, газеты, гитчгайкеры-автостопщики, путеводители, туристические карты, наука, психиатрия, современное сексуальное образование» [8, с. 213] и тому подобные реалии современной автору романа Америки.

С тем, что данный роман представляет собой в первую очередь критическую панораму «американского образа жизни», согласен и отечественный американист и набоковед А. Мулярчик [4, с. 301].

Подобную острую сатиру мог позволить себе далеко не каждый иностранец, но Набоков, которого Америка приютила, когда над Европой стали сгущаться тучи, все же сумел изобразить увиденное им без приглаживания недостатков и искусственной лакировки.

Одного из исследователей образа Америки, воплощенного в романе «Лолита», Джона Колапинто, «поражает тот факт, что роман, который детально воспроизводит обстановку Америки середины XX века, достоверно описывает американский средний класс, так точно передает интонации американской речи: от гнусавого подросткового сленга Лолиты, до книжных оборотов в речи Шарлотты Гейз и показных, заумных выражений директрисы Прэтт – написан русским эмигрантом, который прожил-то в Америке всего ничего. Набоков ступил на этот берег, <...> только начав писать на английском языке перед отъездом из Европы» [3]. Также он задается основным вопросом, оставшимся без ответа и по сегодняшний день: «Как книга настолько точно – по всем параметрам – американская могла возникнуть при настолько неподходящих обстоятельствах, из, казалось бы, совершенно неподходящего источника?» [3].

Общеизвестно, что открытые вопросы и жаркие литературоведческие дискуссии всегда имеют место там, где

произведение представляет собой серьезную, а в случае с романом Набокова – эпохальную литературу.

Соглашаясь с тем, что «Лолита», без сомнения, представляет собой остро критическое произведение, оговоримся, в данной работе этот роман рассматривается не как антиамериканский, а как трансатлантический текст.

Однако стоит дать слово книге.

На первых же страницах романа антигерой, от лица которого ведется повествование, неоднократно подчеркивает свое замысловатое европейское происхождение: «Я родился в 1910-ом году, в Париже. Мой отец отличался мягкостью сердца, легкостью нрава – и целым винегретом из генов: был швейцарский гражданин, полуфранцуз-полуавстриец, с Дунайской прожилкой. <...> В тридцать лет он женился на англичанке» [5, с. 7–8].

Чуть позже он снова возвращается к теме европейских корней, говоря о своей первой возлюбленной: «Аннабелла была, как и автор, смешанного происхождения: в ее случае – английского и голландского» [5, с. 10].

Продолжая знакомить читателя со своей европейской биографией, Гумберт упоминает, что его университетские годы прошли в Лондоне и Париже, и особенно отмечает: «Париж тридцатых годов пришелся мне в пору» [5, с. 15]. Именно «столица Европы» первой трети XX века воспитала и сформировала Г.Г., придав ему тот европейский лоск, тонченность и неотразимость, которая заметно отличала его от американцев и которая так впечатлила типичную американку Шарлотту, мать главной героини романа.

Еще до переезда в США из Европы герой романа пытался уверить свою «приунывшую и задумчивую» первую жену Валерию, что трансатлантический переезд пойдет им обоим на пользу. Позднее в своей исповеди он вспоминает, что на нее «никак не действовали мои описания Америки, страны розовых детей и громадных деревьев, где жизнь будет настолько лучше, чем в скучном, сером Париже» [5,

с. 29]. Находясь на европейском берегу Атлантики, герой пребывает в искреннем убеждении, что Америка действует на европейцев благотворно и обновляюще, что эта страна обладает необходимой витальностью и открывает перед приезжими широкие жизненные перспективы.

На поверку Америка оказалась совсем не той страной, о которой он так мечтал. Даже природа Нового Света, увиденная воочию, не оправдывает заокеанских ожиданий Гумберта: «Благодаря забавному сочетанию художественных представлений, виды североамериканской низменности казались мне сначала похожими в общих чертах на нечто из прошлого, узнаваемое мной с улыбкой удивления, а именно на те раскрашенные клеенки, некогда ввозившиеся из Америки, которые вешались над умывальниками в среднеевропейских детских и по вечерам чаровали сонного ребенка зелеными деревенскими видами, запечатленными на них» [5, с. 179]. Путешествуя по США, герой Набокова открывает для себя один штат за другим и словно прозревает: «Постепенно, однако, встречаемые теперь прообразы этих элементарных аркадий становились все страннее на глаз по мере укрепления моего нового знакомства с ними» [5, с. 180].

Герой постоянно сравнивает, «сверяет» свои детские грезы об Америке с тем, что он видит в действительности. Эти сравнения проводятся Гумбертом далеко не в пользу США. Романтическая привлекательность Америки утрачивается по мере приближения к тому, что издали представлялось столь манящим и даже загадочным: «Я помню, что ребенком, в Европе, я грезил над картой Северной Америки, на которой “палач”, т. е. средняя часть “Аппалачских гор”, крупным шрифтом растянулся от Алабамы до Мэна, так что вся охватываемая область (включая Пенсильванию и Нью-Йорк) являлась моему воображению как исполинская Швейцария или даже Тибет, сплошь горы, чередование дивных алмазных пиков, огромные хвойные

деревья, le montagnard emigre в великолепной своей медвежьей дохе, и Felis tigris Goldsmithi, и краснокожие индейцы под катальпами. Как ужасно, что все это свелось к мизерному пригородному палисаднику и дымящейся железной корзине для сжигания мусора...» [5, с. 251].

Данное несоответствие идеала и реальности, мечты и действительности вполне можно считать главной метафорой романа. Надежды Гумберта рушатся на каждом шагу, его непрерывно преследуют разочарования: ни новая страна, ни новая возлюбленная не оправдывают его ожиданий. И Лолита, безусловно, в гораздо большей степени, чем Америка, разочаровывает героя: то, что ему хотелось бы видеть в ней, на самом деле либо совершенно отсутствует, либо находится в зачаточном, атрофированном состоянии: она инфантильна, груба, испорчена, интеллектуально и эстетически не развита, ее запросы и потребности примитивны даже для ее возраста. В ее душе нет ни взаимности, о которой герой страстно мечтает, ни нежности, на которую он робко надеется, ни элементарной жалости, на которую он в тайне рассчитывает. Все, что он получает, – «пренебрежительно-неприятная усмешка» и «обыкновенное отвращение». Тем не менее, Гумберт продолжает упрямо искать и находить в юной американке отблеск своей европейской любви, каждый раз подчеркивая это одному ему видимое сходство.

Эта вторичность Лолиты по отношению к Анабелле является собой в определенном смысле метафору вторичности Нового Света по отношению к Старому, что весьма характерно для произведения, относящегося к трансатлантической литературе. В уже цитированной работе Е. Васильевой-Островской звучит справедливая мысль о том, что Набоков намеренно противопоставляет в этом романе образы Европы и Америки, персонифицированные в образах юных возлюбленных главного героя: «Однако и сама исходная Лолита уже не была оригиналом: ей предшествова-

ла в судьбе Гумберта “изначальная девочка” Аннабелла Ли, разбудившая в нем первую страсть на одном из морских – предположительно европейских – курортов и скончавшаяся от тифа несколько месяцев спустя, чтобы затем обрести вечную жизнь в фантазиях своего возлюбленного. Эти фантазии, получившие для него со временем почти мифологический статус, Гумберт и видит после стольких лет наконец воплощенными в американском подростке по имени Лолита» [2].

Также Гумберт с чувством, далеким от отцовской гордости, наблюдает за ее детскими забавами, любит тем, как волею случая доставшаяся ему на попечение девочка прыгает через скакалку, «повторяя движения стольких других играющих девочек, видом которых я так упивался на испещренных солнцем, обильно политых, свежее пахнувших тротуарах и парапетах древней Европы» [5, с. 194]. Таким образом становится очевидным, что американский подросток по имени Лолита оказывается всего лишь очередной жертвой страсти Гумберта к нимфеткам, которая зародилась в нем по другую сторону океана, а не единственной любовью всей его жизни, в чем он пытается убедить читателя его исповеди.

Путешествуя вдвоем со своей возлюбленной падчерицей по США, Гумберт интересуется юридической стороной данного вопроса, который, как оказалось, по-разному трактуется в разных штатах: «Алабама запрещает опеку менять местожительство подопечного ребенка без разрешения суда; Миннесота, которой низко кланяюсь, предусматривает, что если родственник принимает на себя защиту и опеку дитяти, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, авторитет суда не пускается в ход» [5, с. 204]. Однако и здесь он снова вспоминает о европейских парапетах, используемых здесь в качестве эвфемизма и даже авторского символа его пагубной страсти к нимфеткам: «Вопрос: может ли отчим <...> всего с одномесячным ста-

жем, неврастеник-вдовец с небольшим, но самостоятельным доходом в настоящем, и с парапетами Европы, разводом и сидением в нескольких сумасшедших домах в прошлом, может ли он считаться родственником и, следовательно, естественным опекуном?» [5, с. 204].

Неудивительно, что даже сделав Лолиту своей любовницей, Гумберт не чувствует полного удовлетворения. Он, как одержимый, ищет места для уединения с ней, однако в тюремной исповеди своей с горечью признается, что это удавалось ему далеко не всегда. Показательно, что даже в эти признания проникает постоянное сопоставление Америки и Европы. Так, с одной стороны, он отмечает: «...меня еще преследовали воспоминания о моих безнадежных скитаниях в городских парках Европы, а потому я не переставал интересоваться возможностью любовных игр под открытым небом и искать подходящих мест» [5, с. 199]. И тут же приходит к выводу о том, что американская «глушь» совершенно для подобных «игр» не приспособлена, хотя и отмечает со свойственной ему объективностью, что «она прекрасна, душераздирающе прекрасна, эта глушь, и ей свойственна какая-то большеглазая, никем не воспетая, невинная покорность, которой уже нет у лаковых, крашенных, игрушечных швейцарских деревень и вдоволь прославленных Альп» [5, с. 200].

Уже находясь в тюрьме и фиксируя в рукописи различные пикантные, а порой и рискованные обстоятельства свиданий со своей вечно ускользающей возлюбленной, Гумберт Гумберт не перестает сравнивать, сопоставлять, противопоставлять Старый и Новый Свет. Он умеет подмечать мелочи, столь характерные как для Европы, так и для Америки, и описывать их с большой долей юмора. Он, безусловно, уверен, что Европа гораздо более приспособлена для его весьма неординарного образа жизни, чем Америка, с ностальгией вспоминая, как «бесчисленные любовники лежали в обнимку, целуясь, на ровном газоне

горных склонов Старого Света, на пружинистом, как дорогой матрац, мху, около удобного для пользования, гигиенического ручейка, на грубых скамьях под украшенными вензелями дубами и в столь многих Лачугах под сенью столь многих буковых лесов» [5, с. 200]. И тут же с иронией и досадой констатирует, что «в американской глуши любитель вольного воздуха не найдет таких удобных возможностей предаться самому древнему из преступлений и забав» [5, с. 200].

Это совершенно не означает, что в трактовке самого Набокова Америка чище и целомудреннее, чем Европа, однако это неоднократно проведенное сопоставление также нельзя игнорировать. Несмотря на общеизвестную «раскрепощенность» нравов американского общества середины XX века, настоящий, хотя и тщательно скрываемый порок все же, в первую очередь, был приметой образа жизни населения «столицы Европы», куда и отправлялись за «просвещением» и определенного рода опытом многие молодые американцы.

По давней традиции трансатлантического текста, заложенной еще в конце XIX – начале XX века, автор-европеец, а вслед за ним и герой-европеец, проводя различные сравнения и параллели, безоговорочно предпочитают Европу. Это – один из основных критериев трансатлантического сверткста. Гумберт в полной мере осознает, что в Европе также далеко не все идеально, но там привычно, удобно, понятно и, в отличие от Америки, судьба в Старом Свете благосклонна к нему. В Америке же герой, прибывший из-за океана, постоянно ощущает свою инородность, чуждость, отстраненность, свое несовпадение со всем происходящим, свое выпадение из контекста, и это не может не придавать его образу довольно привлекательные для читателя меланхолические, а подчас и трагические черты: Г.Г. одинок, потерян, глубоко несчастен, нелюбим и непонят. Это ни в коей степени не умаляет того факта, что

он преступник и извращенец, хоть и всячески пытается оправдаться на протяжении всей исповеди, придавая своей запретной страсти к ребенку романтически-возвышенные мотивы.

Что касается имплицитных отсылок к Европе, то они заключаются также и в том, что текст романа «Лолита» до предела интертекстуален и аллюзивен. И большинство этих аллюзий соотносится с европейскими авторами и европейской литературной традицией, что неоднократно было отмечено набоковедами. Вследствие чего этот самый американский роман Набокова прочитывается как проевропейский.

Выводы. Роман «Лолита» – одно из самых трансатлантических произведений в наследии В. Набокова. Главное действующее лицо романа – типичный трансатлантический герой: образованный европеец средних лет, оказавшийся в США по собственному выбору, но сразу же разочаровавшийся в этой стране. На протяжении всего текста «Лолиты» автором проводятся сопоставления культурных, мировоззренческих, географических, климатических и некоторых других черт, по-разному характеризующих Европу и Америку.

Особенности трансатлантического сверхтекста, созданного в «Лолите», заключаются в том, что ностальгические мотивы, свойственные практически любому подобному художественному пространству, не столь выражены в данном романе писателя. Это, в первую очередь, объясняется особенностями личности главного героя: поскольку он всецело поглощен попытками сначала удержать, а позднее выследить и вернуть сбежавшую от него возлюбленную, вопрос о возвращении в Европу перед ним не стоит. Гумберт также не предпринимает и попыток стать своим в чужом для него североамериканском культурном окружении, от которого намеренно и даже с презрением ди-

станцируется, потому что живет в замкнутом, обособленном мире человека, одержимого мономанией.

Тем не менее, присутствующие в романе сатирические и критические мотивы, высмеивающие быт и ментальность США 50-х годов XX века, обуславливают восприятие данного произведения как этапного для творчества Набокова и эпохального для литературного процесса середины прошлого столетия.

К перспективам данного исследования могут быть отнесены дальнейшие поиски в направлении изучения трансатлантического сверхтекста в других произведениях писателя.

Список использованных источников

1. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография. М.: Издательство Независимая Газета; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2004. 928 с. (Серия «Биографии»).

2. Васильева-Островская Е. Мифология Лолиты. Героиня Набокова в современном искусстве и массовой культуре. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.netslova.ru/vasiljeva/lolita.html>

3. Колапинто Дж. Америка в творчестве Набокова. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/blog/translations/post/15511-amerika-v-tvorchestve-nabokova>

4. Мулярчик А. Набоков // Писатели США. Краткие творческие биографии. М.: Радуга, 1990. С. 300–301.

5. Набоков В. Лолита // Набоков В. Лолита: Роман. Волшебник: Рассказ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 7–373. (Книга на все времена).

6. Набоков В. О книге, озаглавленной «Лолита» (Послесловие к американскому изданию 1958-го года) // Набоков В. Лолита: Роман. Волшебник: Рассказ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 374–379. (Книга на все времена).

7. Набоков В. Постскрипtum к русскому изданию // Набоков В. Лолита: Роман. Волшебник: Рассказ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 380–382. (Книга на все времена).

8. Проффер К. Ключи к «Лолите». СПб., Симпозиум, 2000. 302 с.

9. Тойнби Ф. Роман с английским языком // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 303–305.

10. Шаховская З. Набоков или Рана изгнания // Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 98–107.